
РАЗВИТИЕ ГОГОЛЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПОВЕСТИ «ДЬЯВОЛИАДА» М.А. БУЛГАКОВА

Ли На

Кафедра истории русской литературы XX—XXI веков
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена анализу развития гоголевской традиции в повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова. Доказывается, что в произведениях Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова существует параллелизм сюжетных ходов, принципы изображения реальности и построения пространственно-временных моделей в определенной мере схожи.

Ключевые слова: М. Булгаков, «Дьяволиада», гоголевская традиция.

Михаил Афанасьевич Булгаков — великий русский прозаик и драматург. «Он предложил русской литературе XX столетия путь художественного совмещения реалистической традиции, внимания к социальным сторонам жизни, бытописательства, скрупулезного изображения бытовых проявлений обыденности, удивительного умения воссоздать подлинный и почти физически ощутимый городской интерьер и пейзаж, в первую очередь, московский, в его архитектуре, цветовом колорите, едва ли не в запахе, — с нереальным, мистическим, фантастическим» [1. С. 71].

«Обращаясь к фантастическому гротеску... он идет по пути Н.В. Гоголя» [1. С. 71]. М.А. Булгаков считал Н.В. Гоголя своим учителем в литературе. И в одном из писем другу и биографу, философу Павлу Попову он писал, мысленно обращаясь к Гоголю: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью». Для Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова один из важнейших факторов творчества — это способность предвидения, связанная с фантазмагорией и мистикой, в их поэтике прекрасно сплетаются реальность и фантастика. У Н.В. Гоголя это фантастика малороссийских и петербургских повестей, а у М.А. Булгакова — московских повестей («Дьяволиада», «Собачье сердце», «Роковые яйца») и романа «Мастер и Маргарита». В этих произведениях трудно не заметить сходство художественных систем М.А. Булгакова и Н.В. Гоголя на уровне отдельных элементов авторских поэтик, в том числе и сходство образов, сюжета, повествования, даже пространства.

Внутри целостного московского мифа повесть М.А. Булгакова «Дьяволиада» является частью его мистико-фантазмагорической составляющей. (Наиболее заметную, основополагающую роль в создании мистического мифа о Москве сыграло более позднее произведение того же автора — роман «Мастер и Маргарита».)

В данной статье рассматривается развитие гоголевской модели в булгаковском повествовании на примере повестей Н.В. Гоголя и повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова.

Сам способ построения художественной реальности, в том числе пространства, в повести М.А. Булгакова соответствует той традиции, начало которой по-

ложил именно Н.В. Гоголь. Фантастическое или мистическое событие, внезапно вторгающееся в упорядоченную и размеренную жизнь, — одна из основных тем всего творчества Н.В. Гоголя. Наиболее ярко и совершенно по-разному эта тема получила выражение в двух произведениях писателя — мистической повести «Вий» и повести «Нос», которую можно назвать абсурдистской.

Как в повести «Вий», так и в повести «Нос» повседневное обыденное резко контрастирует с мистическим, необыкновенным, неправдоподобным, странным. В повести «Вий» повседневное течение жизни нарушается вторжением в нее дьявольских сил, что приводит к фатальным и необратимым последствиям. Фантастическая и мистическая повесть «Вий» входит в цикл малороссийских повестей Н.В. Гоголя. Три студента киевской бурсы отправляются на каникулы, но сбиваются в ночи с дороги и выходят к хутору. Старуха хозяйка пускает бурсаков переночевать с условием, что положит троих в разных местах. В начале повествования все происходит нормально и спокойно, только неожиданно возникает абсолютно невообразимая ситуация: Хома Брут (главный герой, бурсак-философ) уже собирается крепко заснуть в пустом овечьем хлеву, как вдруг входит старуха («Эге, да это ведьма», — думает герой). Дальше происходит страшное событие, в которое нечистая сила (дьявол) вовлекает главного героя.

Подобно этому в повести «Дьяволиада» М.А. Булгакова есть такая же гоголевская модель, когда вроде бы обыденная ситуация обнаруживает в себе некие мистические начала. Главный герой Варфоломей Коротков, нежный, тихий блондин, служил в Главцентрбазспимате (Спимат) на должности делопроизводителя и прослужил в ней целых 11 месяцев. Реальная действительность, реальные герои, показанные в конкретных жизненных обстоятельствах, не несут в себе ничего сверхъестественного. И вдруг с ними происходят трагические события. Они возникают внезапно и кончаются быстро, но приносят героям страдания и смерть.

Но и Хома, и Коротков вступают в контакт с параллельной реальностью неслучайно, они не могут избежать разрушительного действия нечистой силы, так как в какой-то мере они сами вызывают эту нечистую силу. В гоголевском «Вие» зловещие события начинают развиваться после того, как Хома Брут между делом поминает черта: «Что за черт!» — сказал философ Хома Брут. «Сдавалось совершенно, как будто сейчас будет хутор» и «Ей-Богу!» — сказал опять, остановившись, философ, — ни чертова кулака не видно». В какой-то мере Хома Брут сам неосознанно вызывает нечистую силу.

То же самое делает Коротков, и при этом совершенно бессознательно. Получив зарплату спичками, он начинает проверять их качество: «Всю ночь Коротков не гасил огня и лежал, чиркая спичками. Вычиркал он таким образом три коробки». В результате этого «под утро комната наполнилась удушливым серным запахом», в мареве которого Короткову привиделся «огромный, живой биллиардный шар на ножках», от которого «сильно пахнет серой». На следующий день является Кальсонер. Между «дурацким сном» Короткова и явлением Кальсонера не происходит никаких других событий, два эпизода следуют один за другим, вследствие чего со всей очевидностью между ними обнаруживается причинно-следственная связь.

Следует отметить, что Хома Брут в повседневной жизни нередко ведет себя вопреки заповедям Господа, он пьет, крадет, врет, даже вступает в связь с молодой вдовой, и наконец сам вызывает нечистую силу и в результате подписывает договор с дьяволом: «И если мы что-нибудь, как-нибудь того или какое другое что сделаем, — то пусть нам и руки отсохнут, и такое будет, что бог один знает. Вот что!» Своей историей он как бы подтверждает собственные слова: «чему быть, того не миновать». Его трагедию можно считать наказанием. У него была возможность выбора. Прежде чем пустить бурсаков на ночевку к себе на двор, старуха выгоняла их: «Пошли! пошли! Тут вам нет места». Как свободный человек, он сам делает свой выбор. Его единственное спасение — молитва — помогает ему в первые два дня. Но в последний момент Хома прослушал крик петуха и от пережитого ранее ужаса умер.

Столь очевидной вины нет, пожалуй, у Короткова. «Нежный, тихий блондин, уверен в том, что будет служить в базе до окончания жизни на земном шаре. Но, увы, вышло совсем не так...» Его вина лишь в том, что он работает в Спимате, поскольку только в Базе Спичечных Материалов пользуются серой, и именно серный запах связан с адом и дьяволом. М.А. Булгаков неслучайно выбирает место службы Короткова. Но этот довод недостаточен и неубедителен, чтобы доказать вину Короткова. Причину его смерти возможно найти в новой, чуждой для героя социальной реальности, в столкновении маленького человека с государственной машиной. «У М.А. Булгакова в сатирических повестях оно чаще обезличено, предстает в виде бездушной государственной машины, противостоящей страдающим от нее интеллигентам и служащим, вроде делопроизводителя Короткова в „Дьяволиаде“, профессоров Персикова и Преображенского в „Роковых яйцах“ и „Собачем сердце“, Мастера в „Мастере и Маргарите“» [6. С. 620]. «Коротков никаких преступлений не свершал, а его сумасшествие — следствие неспособности выбраться из бюрократического лабиринта» [6. С. 314].

Нельзя не обратить внимания на общность представлений писателей о главном герое. М.А. Булгаков продолжает тему маленького человека. Коротков в «Дьяволиаде» М.А. Булгакова сходит с ума, увидев действительность замутненным, нефокусированным взглядом, и прыгает с крыши высокого здания, как герой гоголевских «Записок сумасшедшего», почувствовавший приближение истины, но не могущий разгадать ее до конца. Такой образ можно найти и в гоголевских «Невском проспекте», «Шинели», «Носе». Борис Соколов, автор «Булгаковской энциклопедии», полагает, что в «Дьяволиаде» показан гоголевский «маленький человек», ставший жертвой набирающей обороты современной бюрократической машины, причем столкновение Короткова с этой машиной в помутненном сознании уволенного делопроизводителя превращается в столкновение с неодолимой дьявольской силой. Происходящее главный герой воспринимает словно в наркотическом бреду. Тут М.А. Булгаков, ранее страдавший наркоманией (см. повесть «Морфий»), клинически точно воспроизвел последствия употребления наркотика. Позднее в «Мастере и Маргарите» в обстоятельства «маленького человека» помещен не мелкий чиновник, а гениальный Мастер, и там уже нечистая сила в лице Воланда и его свиты помогает гению обрести покой, а его труду — бессмертие [6. С. 313—314].

В петербургских повестях Н.В. Гоголя и в московских повестях М.А. Булгакова можно обнаружить параллелизм сюжетных ходов и общность принципов изображения реальности и построения пространственно-временных моделей. М.А. Булгаков описывает пространство таким же средствами, которыми пользуется Н.В. Гоголь. В рассказе «Заколдованное место» есть мотив, когда некое пространство вдруг неожиданно и немотивированно превращается в какое-то заколдованное место. У М.А. Булгакова наблюдается похожий мотив, Центроснаб получает фантазмагорические черты, превращается почти в заколдованное место. В двух этих произведениях совпадает общее ощущение безвыходности и замкнутости, с той большой разницей, что заколдованное место у Н.В. Гоголя — ограниченная территория, где властвует нечистый дух, а в повести М.А. Булгакова таким заколдованным местом является все художественное пространство произведения: «Коротков оказался в тупом полутемном пространстве без выхода. Бросаясь в стены и царапаясь, как засыпанный в шахте, он наконец навалился на белое пятно, и оно выпустило его на какую-то лестницу». Даже эволюция пространственных моделей М.А. Булгакова продолжает гоголевскую традицию, следует от периферии к центру. У Н.В. Гоголя освоение пространства Диканьки переходит в идею Миргорода, далее перетекает к столичному городу («Петербургские повести») и наконец, обращается на «всю Русь» («Мертвые души»). М.А. Булгаков проходит такой же путь: от «Записок юного врача» к «Белой гвардии» и позднее к роману «Мастер и Маргарита», где художественное пространство оказывается больше реального, обладающего конкретными физическими константами, как, например, «нехорошая квартирка», в которой мы находим страдающего от похмелья Степу Лиходеева, а потом, после его перемещения в Ялту, площадь ее вырастает до дворца Воланда. Но при этом, если у Н.В. Гоголя все происходит именно в Петербурге, то у М.А. Булгакова — в Москве. Москва, как Петербург для Н.В. Гоголя, становится сценой зла и преступлений.

Известно, что Н.В. Гоголь дает характеристики персонажей с помощью метафорического сближения их с животными существами и материальными предметами (Собакевич сопоставляется с медведем средней величины, фамилия Коробочки говорит сама за себя). М.А. Булгаков тоже пользуется таким приемом. Таковы говорящие фамилии (Кальсонер, Коротков), или же приемы антропоморфизации: «Пит! Питт! — закричала за стеклами мотоциклетка, выстрелила пять раз и, закрыв дымом окна, исчезла»; «Лифт... выплюнул человека с портфелем»; «Ку-ку! — радостно крикнула лесная кукушка и выскочила из нюрнбергского разрисованного домика на стене». Или, наоборот, происходит уподобление человеческого голоса искусственным звукам предметов или животных: «ухнул в медь тяжкий голос: — Еду! Сейчас!», «каркнула дверь», «кукарекнул секретарь». При описании внешности Карьсонера М.А. Булгаков пользуется приемами литоты и оксюморона: «Этот неизвестный был настолько маленького роста, что достигал высокому Короткову только до талии»; «квадратное туловище сидело на искривленных ногах»; «голова представляла собою точную гигантскую модель яйца»; «зеленые маленькие, как булавочные головки, глаза сидели в глубоких впадинах. Тело неизвест-

ного было облечено в расстегнутый, сшитый из серого одеяла френч, из-под которого выглядывала малороссийская вышитая рубашка, ноги в штанах из такого же материала и низеньких с вырезом сапожках гусара времен Александра I». Необычный вид, странная одежда (сочетание несочетаемого), голос медного таза и слова неизвестного, запах спичек — все эти детали указывают на появление дьявола.

В отличие от гоголевского черно-белого мира, пространство М.А. Булгакова наполнено пестрыми цветами: подписи ассигновки меняются цветами — «наискось было написано красными чернилами», «ниже фиолетовыми чернилами», «третья надпись зелеными чернилами». Коробки спичек тоже разного цвета: «в руках у него было 4 больших желтых пачки, 5 маленьких зеленых, а в карманах 13 синих коробок спичек». Не только цвета, но и различные звуки и выражения лиц людей наполняют пространство булгаковского произведения. «Радостно воскликнул Коротков»; «Коротков... широко и глупо улыбаясь...»; «она с шипеньем вспыхнула зеленоватым огнем, переломилась и погасла»; «лысый квадратный неожиданно рассердился. Глазки его вспыхнули желтоватыми искорками»; «раз только долетел смутный чугунный голос»; «при этом лучше всех, глубже и мертвеннее молчал зеленоватый Коротков»; «Как? Как? — прозвенел два раза Коротков совершенно как разбитый о каблук альпийский бокал»; «лицо Короткова сменило гнилую зеленую плесень на пятнистый пурпур»; «негромко выкрикнул Коротков, становясь из пурпурного белым, как горностаи». С развитием сюжета повести меняется мимика и голос персонажей. Возникает комический эффект.

Тема высшей силы и даже дьявольской силы — одна из важнейших тем Н.В. Гоголя. «Черт», «дьявол» присутствуют практически во всех произведениях Н.В. Гоголя («Вечера на хуторе Диканьки», «Миргород», «Петербургские повести», «Мертвые души»). Тема борьбы с нечистой силой, пытающейся завладеть миром, тоже часто встречается на страницах булгаковских произведений, недаром столь часто появляется на ее страницах фигура дьявола. Все содержание «Дьяволиады» подтверждает это. Повесть носила вполне «гоголевское» название — «Дьяволиада», и пятая глава называется «Дьявольский фокус», седьмая глава «Орган и кот», все эти названия ассоциируются с дьяволом. Еще в повести есть такой образ, как старичок — свита сатаны. Он сказал Колобкову «голосом пророчески грозным — не пойдут они вам впрок, денежки эти сатанинские». В десятой главе «Страшный Дыркин» бедный Коротков под давлением нечистой силы (здесь главным образом бюрократическое влияние), чуть ли не стал таким, как его антиподы: «Меня нельзя арестовать, — ответил Коротков и засмеялся сатанинским смехом». Потом эти мотивы проявились в романе «Мастер и Маргарита», наброском к которому является повесть «Дьяволиада».

«Дьяволиада» имеет подзаголовок «Повесть о том, как близнецы погубили делопроизводителя». Как в греческой мифологии, так и в римской, египетской, индийской и китайской мифологии упоминание о близнецах часто связывается с Богом и дьяволом. Появление близнецов в произведениях М.А. Булгакова ассоциируется с нечистой силой, и наоборот. «Двойничество возведено у М.А. Булгакова в квадрат. Коротков не только получает в повести двойника, но и ведет борь-

бу с двойниками: близнецы Кальсонеры представляются больному сознанию Короткова двоящимся обликом его начальника. Перед ошеломленным, потерявшимся Коротковым предстает то Кальсонер — зав., то Кальсонер — делопроизводитель, Кальсонер, который спрашивает, не уехал ли Кальсонер; Кальсонер — начальник, грозный, самоуверенный, и Кальсонер — подчиненный, робкий, униженный» [3. С. 298].

В какой-то мере Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова можно назвать «близнецами». В их жизненной и творческой судьбе много пересечений. Оба они родились на Украине и любили Киев — «мать городов русских». Многие свои шедевры они создали в Москве. Н.В. Гоголь — один из главных создателей «петербургского мифа», М.А. Булгаков — создатель «московского мифа» нового времени. Они были похоронены на одном и том же кладбище — под стенами Новодевичьего монастыря. История с их надгробиями вошла в анналы классической мистики: после перезахоронения Н.В. Гоголя в 1931 г. камень с его бывшей могилы — гранитная «Голгофа» — девять лет дожидалась смертного часа М.А. Булгакова, чтобы лечь в его изголовье.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Голубков М.М.* Мистика Москвы. Повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце» как «пра-текст» «московского текста» / М.М. Голубков // Славянский мир: духовные традиции и словесность. — Тамбов, 2011. — С. 67—80.
- [2] *Голубков М.М.* История русской литературной критики XX века (20—90-е годы): Учеб. пособие / М.М. Голубков. — М.: Академия, 2008. — 368 с.
- [3] *Кормилов С.И.* История русской литературы XX века (20—90-е годы): Основные имена: Учеб. пособие / С.И. Кормилов, В.А. Зайцев, Е.Б. Скороспелова. — М.: Издательство МГУ, 2008. — 576 с.
- [4] *Кривonos В.Ш.* М.А. Булгаков и Н.В. Гоголь — мотив «Заколдованного места» в «Мастере и Маргарите» [Электронный ресурс] / В.Ш. Кривonos // Серия литературы и языка. — 1994. — Т. 53. — № 1. — С. 42—48. — URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1994/01/941-042.htm>, свободный.
- [5] *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века (от А. Белого до Б. Пастернака) / Е.Б. Скороспелова. — М.: ТЕИС, 2003. — 358 с.
- [6] *Соколов Б.В.* Булгаков. Энциклопедия: Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья / Б.В. Соколов. — М.: Эксмо, 2005. — 831 с.
- [7] *Соколов Б.В.* Три жизни Михаила Булгакова / Б.В. Соколов. — М.: Эллис Лак, 1997. — 428 с.
- [8] *Чудакова М.О.* Булгаков и Гоголь / М.О. Чудакова // Русская речь. — 1979. — № 3. — С. 38—48.

LITERATURA

- [1] *Golubkov M.M.* Mistika Moskvy. Povest' Bulgakova "Sobach'e serdtse" kak "pratekst" "moskovskogo texta" / M.M. Golubkov // Slavyanskiy mir: dukhovnye traditsii i slovesnost'. — Tambov, 2011. — P. 67—80.
- [2] *Golubkov M.M.* Istoriya Russkoi literaturnoi kritiki XX veka (20—90 gg): ucheb. posobie / M.M. Golubkov. — M.: Izdatel'skiy Tsentr "Academiya", 2008. — 368 s.

- [3] *Kormilov S.I.* Istoriya Russkoi literatury XX v. (20—90 gg.): Osnovnye imena: Ucheb. posobie [S.I. Kormilov, V.A. Zaitsev, E.B. Skorospelova]. — M.: Izdatel'stvo MGU, 2008. — P. 576.
- [4] *Kryvonos V.S.* M.A. Bulgakov i Gogol — motiv “Zakoldovannogo mesta” v “Master i Margarita” [electronnyi resourse] / V.S. Kryvonos // Seriya literatury i yazyka. — 1994. — T. 53. — № 1. — P. 42—48. Rejim dostupa <http://febweb.ru/feb/izvest/1994/01/941-042.htm>, svobodnyi.
- [5] *Skorospelova E.B.* Russkaya proza XX veka. (ot A. Belogo do A. Pasternaka) / E.B. Skorospelova. — Moscow: TEIS, 2003. — 358 p.
- [6] *Sokolov B.V.* Bulgakov. Encyclopedia: Personaji, prototipy, proizvedeniya, druž'ya i vrugi, sem'ya / B.V. Sokolov. — M.: Eksmo, 2005. — 831s.
- [7] *Sokolov B.V.* Tri jizni Mikhaila Bulgakova / B.V. Sokolov. — M.: Ellis Lak, 1997. — 428 p.
- [8] *Chudakova M.O.* Bulgakov i Gogol / M.O. Chudakova // Russkaya rech'. — 1979. — № 3. — S. 38—48.

DEVELOPMENT OF TRADITION IN THE STORY OF GOGOL “DIABOLIAD” M.A. BULGAKOV

Li Na

Department of History of Literature of the XX—XXI centuries
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1-51, Moscow, Russia, 119991

This article is devoted to analysis of the development of N. Gogol's tradition in the story «Diaboliad» by M. Bulgakov. Actions, space and reality in these works are equal for some extents.

Key words: M. Bulgakov, «Diaboliad», N. Gogol's tradition.